

МОСК. ПРАВДА. - 2005. - 3 июня. - с. 5

«Я хочу спеть самого Пушкина!...»

Федор Иванович Шалапин Пушкина боготворил, преклонялся перед гением великого поэта, который был его кумиром до последних лет жизни. Он удивительно эмоционально читал стихи и целые сцены его драматических произведений так, что, по словам современников, «мурашки пробегали по телу, когда он доходил до «Моцарта и Сальери» и «Каменного гостя»...

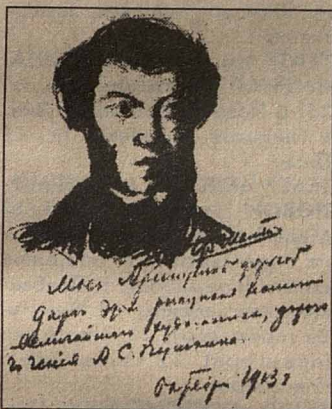
С раннего детства своих дочерей: Лидию, Татьяну, Ирину, Марину, Марфу, Дасю он общал «к великому имени Пушкина». Ирина вспоминает: «Он, уходя из детской, уносил с собой как бы в полунаказание пушкинский бюст - пусть побудет у меня в комнате. Вот мне уж не будет скучно».

К молодым преподавателям школы, которую некогда окончил, обращался со словами: «Барышни!.. Бросьте дрянную современную литературу, читайте Пушкина, читайте его всегда - когда вы веселы, когда вы расстроены, когда вы больны, когда вы полюбите кого-нибудь. В Пушкине вы всегда найдете себе незаменимого собеседника и друга» и повторял: «Пушкина я люблю больше всех поэтов мира! Я любил на сцене создавать образы его героев..., мы вместе с Пушкиным создали Бориса Годунова, Мельника. Я мечтал спеть Германна, хотя это теноровая партия, но, поверьте, это было бы моим лучшим созданием! Как я его чувствую, как близок он мне! Как гениально выражен в музыке Чайковского! Но я всегда натякался на каменную стену человеческой косности и рутины, о которые зря ломал свои копыта. Моего крылатого Пегаса они хотели бы превратить в смиренную водовозную клячу...».

От природы Шалапин был фантастически одарен. Искусству рисования никогда не учился, но, наблюдая за тем, как это делают профессиональные художники, стал создавать свои рисунки, ничуть не уступавшие мастерам кисти и пера. Близкое общение с художниками обогатило его внутренний мир и художнический вкус, и он отмечал, что «после великой и правдивой русской драмы влияние живописи занимает в моей артистической биографии первое место».

Федор Иванович не раз говорил, что «я люблю рисовать,

но, к сожалению, таланта настоящего к сему не получил, а если портил карандаши и бумагу, так

только для того, чтобы найти пособие к моим постоянным исканиям грима для характерных и правдивых фигур». Обладая талантом художника-гримера, сначала рисовал облик персонажа, делал наброски силуэта лица, которое должен был воплотить на сцене. Потом буквально на глазах происходило некое таинство, когда актер с помощью гримерных средств превращался в реальный образ своего героя.

Он мог рисовать где угодно и когда угодно - не мог видеть карандаш, лежавший «без дела», брал его и рисовал порой на простых клочках бумаги. Даже на спор с художниками на стенах в гримерной, на визитных карточках. Свои письма иногда сопровождал маленькими миниатюрами. В столовой за обедом, бывало, чертил обгоревшей спичкой прямо на ска-терти.

Вернувшись осенью 1913 года из гастролей по Франции и Англии, сделал пером портрет своего любимого поэта и подписал его: «Моей Аринушке дорогой дарю этот рисунок нашего величайшего художника, дорогого гения А. С. Пушкина. Октябрь 1913 г.». Так он ласко-

во называл свою дочь Ирину, на венчании которой пел в церкви, находившейся поблизости от храма Большого Вознесения, где Пушкин венчался с Натальей Гончаровой.

Достаточно известно выражение Шалапина: «Даром поют только птицы». Однако для его благотворительной деятельности в значительной степени эти слова были шуточными, так как он устраивал многочисленные концерты в пользу Московского дамского тюремного комитета, Общества защиты детей от жестокости, Комитета по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну, фонда помощи больным и раненым воинам, для воспитания сирот, раненых красноармейцев, конференции беспартийной молодежи, учеников средних школ, убежища престарелых сценических деятелей и детского приюта, Ломоносовского общества грамотности, для рабочих Петрограда, делегатов Всероссийского съезда горнорабочих, Совета профсоюзов, в честь 1-й годовщины Октябрьской революции...

Шалапин анонимно помогал тяжело заболевшему композитору В. С. Калинникову, Московскому филармоническому обществу на стипендии для студентов - 5000 рублей, в период 1-й мировой войны организовал два лазарета для раненых солдат в Москве и Петрограде, помогал голодающим губерниям России.

Особое место в его благотворительности занимали спектакли и концерты, посвященные памяти Пушкину. Так, в честь 100-летия со дня рождения поэта 27 мая 1899 года в Петербурге, в Театральном зале Таврического дворца давали оперу Рахманинова, Шалапин впервые выступил в роли Алеко, 2 февраля 1902 года в Большом театре вновь впервые на его сцене он сыграл роль Варлаама, в представленной «сцене в корчме». Весь сбор от этого концерта пошел в фонд по сооружению памятника поэту в Петербурге в Александровском саду, однако памятника не построили, но эти средства были переданы на строительство Пушкинского дома (ИРЛИ - институт русской литературы).

В 1935 году Шалапин записал: «Через 2 года исполнится столетие со дня гибели Пушкина... Я по-своему хочу отметить эту дату, соединив ее с 45-летием моего служения оперной сцене. И этот двойной юбилей будет моим последним выступлением в опере. Это будет мое прощание с публикой, с театром... Я хочу спеть самого Пушкина! И после этого уйти на покой...».

Этот концерт, состоявшийся из арий и романсов на стихи поэта, прошел 26 января 1937 года в Праге в большом зале «Люцерна», в программе, приуроченной к началу Пушкинских торжеств по случаю 100-летия со дня его гибели. Он исполнил одиннадцать номеров, в том числе «Вакхическую песню» Глазунова, каватину Алеко Рахманинова, «Пророк», «Ненастный день потух» Римского-Корсакова...

Планировал в мае того же 1937 года «устроить самостоятельно вечер в честь Александра Сергеевича, где кроме пения намереваюсь сыграть первую сцену «Скупого рыцаря» (сыграть, т. е. продекламировать)». Однако сведений о том, что концерт состоялся, отыскать не удалось.

В последний год жизни, 6 января 1938 года из Парижа пишет дочери Ирине в Москву, чтобы она выслала ему бюст Пушкина - «у меня их было два, один бронзовый, мною отлитый, другой гипсовый - ради Бога, я, конечно, заплачу и пересылку, и упаковку».

Прощальные мысли вели Шалапина, надо думать, к Пушкину, он стремился передать их из Франции на родину через все границы и барьеры: «Все было сделано..., чтобы отдалить меня от друзей и от работы в моих театрах... А отчизну мою обожаю! И обожание это ношу и буду носить в сердце моем до гробовых досок... Отчизна моя! Там родился, жил и умер Пушкин, - а на свете есть только Пушкин, Данте и Сервантес. Остальные, и мы с вами, «La pelouse» («сорняк» фр. - В.Ч.) - не думаю, что ошибаюсь».

Всеволод ЧУБУКОВ.

На снимке: портрет А. С. Пушкина работы Ф. И. Шалапина (перо, 1913 г.).